

Когда около половины восьмого вечера такси сворачивало на Толлэнс-вэг, Рикард Гранлунд думал, что все самое худшее в этот день уже случилось. Четыре дня в Мюнхене с окрестностями. Командировка. Немцы работали в июле более или менее как обычно. С утра до вечера встречи с клиентами. Фабрики, комнаты для переговоров и бесконечное количество чашек кофе. Он устал, но был доволен. Ленточные транспортеры — возможно, не самое увлекательное, чем можно заниматься, его работа редко вызывала любопытство и никогда не становилась естественной темой бесед на ужинах и встречах, но продавались они хорошо. Транспортеры. Продавались действительно хорошо.

По расписанию самолет из Мюнхена вылетал в 9:05. Рикард должен был прибыть в Стокгольм в двадцать минут двенадцатого. Затем ненадолго заскочить в офис. Для контроля. Около часа оказаться дома. Пообедать с Катариной и вместе с ней посвятить остаток дня саду. Таков был план.

До того как он узнал, что рейс на Стокгольм в 9:05 отменен. Встал в очередь к стойке «Люфтганзы», и ему перебронировали билет на 13:05. Еще четыре часа в Мюнхенском аэропорту имени Франца-Йозефа Штрауса. Не смешно. Огорченно вздохнув, он вытащил телефон и написал смс Катарине. Обедать ей придется без него. Но можно надеяться, что им все-таки удастся провести несколько часов в саду. Как погода? Может, вечером выпьем по коктейлю на террасе? Раз у него теперь есть время, он может что-нибудь прикупить.

Катарина сразу ответила. Жалко, что он задерживается. Она соскучилась. Погода в Стокгольме потрясающая, поэтому коктейль — прекрасная идея. Жду сюрприза. Целую.

Рикард зашел в один из магазинов, по-прежнему завлекших такс-фри, хотя, по его убеждению, для абсолютного большинства пассажиров это уже утратило актуальность. Он нашел полку с готовыми коктейлями и взял знакомую ему по телевизионной рекламе бутылку «Мохито-классик».

По пути в магазинчик с прессой он сверился с табло вылетов. Выход 26. Он прикинул, что доберется туда за десять минут.

Рикард уселся с чашкой кофе и бутербродом и стал перелистывать только что купленный номер журнала «Гарденс иллюстрейтед». Время тянулось. Он немного побегал глазами по витринам магазинов аэропорта, купил еще один журнал, на этот раз по электронике, зашел в другое кафе и выпил бутылку минеральной воды. После посещения туалета, наконец, настало время идти к выходу на посадку. Тут его ждал следующий сюрприз. Рейс в 13:05 задерживается. Новое время посадки 13:40. Предполагаемое время вылета 14:00. Рикард снова достал телефон. Проинформировал Катарину о новой задержке и выразил негодование по поводу самолетов вообще и «Люфтганзы» в частности. Затем нашел свободный стул и сел. Ответа на смс не последовало.

Он позвонил.

Ему не ответили.

Возможно, она нашла себе компанию и обедает не дома. Убрав телефон, он закрыл глаза. Какой смысл нервничать по поводу положения дел, сделать ведь он все равно ничего не может.

Без четверти два молодая женщина за стойкой, извинившись за опоздание, пригласила их на посадку. Когда они разместились в самолете и персонал привычно провел инструктаж по мерам безопасности, который никто все равно не слушал, к ним обратился капитан. У них одна лампа указывает на какую-то неисправность. Вероятно, неисправна сама лампа, но рисковать они не хотят. К ним уже направляется механик, для проверки. Капитан попросил извинения и выразил надежду на понимание. В самолете быстро стало жарко. Рикард чув-

ствовал, как его готовность к пониманию и относительно хорошее настроение улетучиваются с той же скоростью, с какой его рубашка увлажняется на спине и под мышками. Вновь послышался голос капитана. Хорошие новости. Неисправность устранена. Новости чуть похуже. Они пропустили свое время вылета, и, похоже, на данный момент перед ними должны взлететь девять самолетов, но как только подойдет их очередь, они сразу начнут выполнять рейс в Стокгольм.

Он попросил извинения.

В Стокгольмском аэропорту они приземлились в 17:20.

С опозданием на два часа десять минут.

Или на шесть часов.

Зависит, как посмотреть.

На пути к месту выдачи багажа Рикард снова позвонил домой. Ему не ответили. Он позвонил Катарине на мобильный. После пяти гудков включился автоответчик. Наверное, она в саду и не слышит звонка. Рикард вышел в большой зал с багажными транспортерами. На мониторе над транспортером номер три значилось, что багаж с рейса LH2416 поступит через восемь минут.

Поступил он через двенадцать.

Прошло еще четверть часа, прежде чем Рикард понял, что его чемодана нет.

Новое ожидание в новой очереди, чтобы заявить о пропаже в сервисном окне «Люфтганзы». Оставив багажную квитанцию, свой адрес и максимально подробное описание чемодана, Рикард вышел в зал прибытия и отправился на поиски такси. Когда он проходил через вращающиеся двери, его буквально обдало жаром. Настоящее лето. У них будет прекрасный вечер. При мысли о коктейле на террасе в лучах вечернего солнца Рикард почувствовал, как к нему понемногу возвращается хорошее настроение. Он встал в очередь на такси: «Стокгольмское такси», «Курьер» или 020. Когда они выезжали из аэропорта Арланда, шофер сообщил ему, что в Стокгольме сегодня были совершенно безумные пробки. Совершенно безумные. Он тут же сбросил скорость до 50 ки-

лометров в час и очутился в бесконечной на вид очереди машин, движущихся по шоссе Е4 в южном направлении.

Поэтому, когда такси, наконец, свернуло на Толлэнс-вэг, Рикард Гранлунд думал, что все самое худшее в этот день уже случилось.

Он расплатился картой и через цветущий, ухоженный сад направился к дому. Войдя, он поставил на пол портфель и пластиковый пакет.

— Ау!

Ответа не последовало. Рикард снял обувь и прошел в кухню. Бросил взгляд в окно, чтобы посмотреть, не на улице ли Катарина, но там было пусто. На кухне тоже. Никакой записки на том месте, где жена могла бы ее оставить. Рикард достал телефон и проверил. Никаких пропущенных звонков или смс. В доме было душно. Солнце жарило вовсю. Маркизы Катарина не опустила. Рикард отпер и распахнул дверь на террасу. Потом поднялся на второй этаж. Надо было принять душ и переодеться. Он чувствовал, что весь пропотел, вплоть до трусов. Еще на лестнице он стянул галстук и начал расстегивать рубашку, но, войдя в спальню, застыл на месте. Первое, что бросилось ему в глаза, — Катарина лежит на кровати. Затем быстро пришло понимание трех вещей.

Она лежит на животе.

Она связана.

Она мертва.

При торможении поезд метро тряхнуло. Мама с коляской перед Себастианом Бергманом чуть крепче ухватилась за стальную стойку и нервно огляделась по сторонам. Она была очень напряжена, уже когда вошла в вагон на станции «Сант-Эриксплан», и хотя ее плачущий сынишка через пару остановок уснул, похоже, так и не успокоилась. Ей совершенно очевидно не нравилось находиться в окружении толпы незнакомых людей. Себастиан видел несколько признаков

этого. Явные попытки сохранять в неприкосновенности свое минимальное личное пространство путем непрерывного передвижения ног, чтобы ни с кем не сталкиваться. Чуть влажная верхняя губа. Ни на чем не задерживающийся настороженный взгляд. Себастиан попытался успокаивающе улыбнуться ей, но она в ответ поспешно отвела взгляд, продолжая сканировать окружение бдительно и напряженно. Себастиан стал оглядывать переполненный вагон, который, едва миновав станцию «Хётorget», с металлическим скрежетом вновь остановился в туннеле. После нескольких минут стояния в темноте поезд медленно продолжил движение и начал приближаться к «Т-Сентрален». Обычно Себастиан на метро не ездил и уж точно не пользовался им в часы пик или во время туристского сезона. Слишком неудобно и суматошно. Он никак не мог свыкнуться с коллективным вариантом человечества со всеми его звуками и запахами. Обычно он ходил пешком или ездил на такси. Держал дистанцию от людей. Странился их. Так бывало всегда. Но теперь все было не так, как обычно.

Все.

Себастиан прислонился к дверям в конце вагона и посмотрел в следующий вагон. Через небольшое окно она была ему хорошо видна. Светлые волосы, склоненное над сегодняшней газетой лицо. Глядя на нее, он осознал, что улыбается про себя.

Она, как всегда, пересаживалась на «Т-Сентрален». Быстрым шагом спускалась по каменной лестнице к красной линии. Следовать за ней ему не составляло труда. Если держать дистанцию, его скроют потоки прибывающих пассажиров и изучающих карты туристов.

Он держал дистанцию.

Не хотел потерять ее.

Но обнаруживать себя было нельзя.

Задача не из простых, но он уже хорошо наловчился.

Когда двенадцатью минутами позже поезд красной линии остановился на станции «Гэрдет», Себастиан чуть-чуть по-

временил выходить из голубого вагона. Здесь приходилось проявлять бóльшую осторожность. По перрону передвигалось меньше людей, большинство пассажиров вышли на предыдущей остановке. Себастиан выбрал вагон, шедший перед ее вагоном, чтобы при выходе она оказалась к нему спиной. Она развила приличную скорость и была уже на полпути к эскалатору, когда он ее высмотрел. Женщина с коляской тоже явно ехала до «Гэрдет», и Себастиан предпочел держаться за ней на случай, если та, за кем он следовал, почему-либо обернется. Женщина неспешно катила коляску за устремившимися к эскалатору людьми, вероятно, надеясь избежать толкотни впереди. Идя позади матери с коляской, Себастиан сообразил, насколько они похожи.

Два человека, которым всегда требуется держать дистанцию.

Женщина.

Убита.

У себя дома.

Обычно в таких ситуациях никакой причины вызывать комиссию Государственного полицейского управления и команду Торкеля Хёглунда не было.

В большинстве случаев это являлось трагическим финалом семейной ссоры, тяжбы об опеке, драмы, вызванной ревностью, изобиловавшей спиртным вечеринки в обществе, как выяснилось, неподходящей компании.

Все сотрудники полиции знали, что, если женщин убивают в собственном доме, преступник чаще всего обнаруживается в ближайшем окружении. Поэтому не удивительно, что, принимая звонок на номер 112 сразу после половины восьмого, Стина Каупин воображала, будто разговаривает с убийцей.

— СОС 112, что произошло?

— Моя жена мертва.

Дальнейшие слова мужчины разобрать было трудно. От горя и шока он говорил невнятно, временами замолкая так надолго, что Стина думала, что он положил трубку. Затем она услышала, как он пытается нормализовать дыхание. Ей пришлось бороться, чтобы заполучить адрес. Мужчина в трубке лишь повторял, что его жена мертва и что вокруг много крови. Кровь повсюду. Могут ли они приехать? Пожалуйста! У Стины возник образ мужчины средних лет с окровавленными руками, который медленно, но верно понимает, что он натворил. Под конец ей все-таки удалось узнать адрес в городке Тумба*. Она попросила заявителя — и вероятного убийцу — никуда не уходить и ни к чему в доме не прикасаться. Она направит на место происшествия полицейских и «скорую помощь». Положив трубку, Стина переадресовала дело в полицию района Сёдертёрн, которая, в свою очередь, проследила за тем, чтобы на место происшествия выехала патрульная машина.

Когда Эрик Линдман и Фабиан Хольст получили приказ отправляться на Толлэнс-вэг номер 19, они как раз заканчивали в полицейской машине несколько запоздалый ужин-перекус.

Десятью минутами позже они прибыли на место. Выйдя из машины, они взглянули в сторону дома. Никого из них садоводство особенно не интересовало, но они поняли, что кто-то потратил изрядное количество часов и крон, чтобы создать окружающее желтый деревянный дом почти идеальное разноцветное великолепие.

Когда они прошли полпути по садовой дорожке, дверь в дом открылась. У обоих руки машинально потянулись к висящей на правом бедре кобуре. Мужчина в дверях стоял в расстегнутой рубашке и смотрел на полицейских почти отсутствующим взглядом.

— «Скорой» не требуется.

Полицейские быстро переглянулись. Мужчина в дверях явно пребывал в шоке. В шоковом состоянии люди действу-

* Пригород Стокгольма. — *Здесь и далее примеч. пер.*

ют по собственным правилам. Непредсказуемо. Нелогично. Конечно, мужчина казался довольно обессиленным и подавленным, но рисковать они не собирались. Линдман двинулся дальше, а Хольст замедлил шаг, продолжая держать руку поблизости от табельного оружия.

— Рикард Гранлунд? — спросил Линдман, делая последние шаги к мужчине, который неотрывно смотрел куда-то в сторону, позади него.

— «Скорой» не требуется, — снова произнес мужчина глухим голосом. — Женщина, с которой я разговаривал, сказала, что пришлет «скорую помощь». Этого не требуется. Я забыл ей сказать...

Линдман достиг мужчины. Дотронулся до его руки. При физическом контакте мужчина в дверях вздрогнул и повернулся к нему. Посмотрел на него с изумлением, будто видит полицейского впервые и удивляется, как тому удалось подойти настолько близко.

«Никакой крови на руках и одежде», — отметил Линдман.

— Рикард Гранлунд?

Мужчина кивнул.

— Я приехал домой, а она лежит там...

— Приехали откуда?

— Что?

— Приехали откуда? Где вы были?

Возможно, время для расспросов человека, явно находящегося в шоковом состоянии, было выбрано неудачно, но сведения, полученные при первом контакте, могли пригодиться для сопоставления с тем, что выявится в случае следующего допроса.

— В Германии. Я работал. Мой самолет опоздал. Или... сперва его отменили, а потом он вылетел позже, и я еще задержался, поскольку мой багаж...

Мужчина умолк. Казалось, ему в голову пришла какая-то мысль или до него что-то дошло. Он впервые посмотрел на Линдмана с ясностью в глазах.

— Я мог ее спасти? Если бы я прибыл вовремя, она бы осталась жива?

При смертных случаях предположения из серии «а что, если бы» естественны. Линдману много раз доводилось их слышать. Он неоднократно участвовал в расследовании дел, когда люди умирали из-за того, что оказывались в неправильном месте в неправильное время. Они переходили улицу как раз в тот момент, когда вылетала машина с пьяным водителем. Спали в жилом автоприцепе именно в ту ночь, когда баллон с газом давал течь. Перебегали пути как раз, когда появлялся поезд. Падающие провода, возбужденные агрессивные мужчины, вылетающие на встречную полосу машины. Разные случайности. Забытые ключи могли задержать человека ровно на те секунды, которые требовались для того, чтобы он не успел пересечь пути на нерегулируемом железнодорожном переезде. Задержка рейса могла оставить жену в одиночестве достаточно долго для того, чтобы убийца успел нанести удар. Предположения из серии «а что, если бы».

Обычные при смертных случаях.

Не имеющие ответа.

— Где ваша жена, Рикард? — спросил Линдман спокойным голосом.

Мужчина в дверях, казалось, размышлял над вопросом. Его вынуждали переключиться с воспоминаний о поездке домой и внезапно навалившегося ощущения возможной вины на происходившее здесь и сейчас. На ужас.

На то, чему он не смог воспрепятствовать.

Под конец он попал в точку.

— Наверху.

Рикард указал рукой назад и заплакал. Линдман кивнул коллеге, чтобы тот шел наверх, а сам повел плачущего мужчину в дом. Наверняка, конечно, сказать нельзя, никогда не следует быть уверенным, но у Линдмана возникло твердое ощущение, что человек, которого он, приобняв за плечи, сопровождает на кухню, не убийца.

У подножия лестницы Хольст вытащил пистолет и, поднимаясь, прижимал его к ноге. Если раздавленный горем мужчина, которым занимается коллега, не убийца, то суще-

свовал небольшой риск, что он или она, хотя это значительно более необычно, по-прежнему находится в доме. Над лестницей виднелась небольшая комната. Потолочное окно. Двухместный диван, телевизор и Blu-Ray проигрыватель. На стенах полки с книгами и фильмами. Четыре двери. Две открыты, две закрыты. С последней ступеньки лестницы Хольст увидел в спальне ноги убитой женщины. На кровати. «Это означает, что надо проинформировать Государственное полицейское управление», — подумал он, быстро заходя во вторую комнату с открытой дверью, в кабинет. Пусто. Две закрытые двери вели в туалет и гардеробную. Оба помещения оказались пусты. Хольст убрал пистолет и приблизился к спальне. В дверях он остановился.

Уже с неделю у них циркулировало обращение комиссии Государственного полицейского управления по расследованию убийств. Комиссию следовало информировать о смертных случаях, отвечавших определенным критериям.

Если жертву нашли в спальне.

Если жертва связана.

Если у жертвы перерезано горло.

Мобильный телефон зазвонил у Торкеля посреди последней строфы поздравительной песни, и тот ответил на звонок, выходя на кухню. На заднем плане раздавалось четырехкратное «ура».

День рождения Вильмы.

Тринадцать.

Тинейджер.

Сам день рождения был в прошлую пятницу, но тогда приглашали на ужин девочек и показывали фильм. Старшим, более скучным родственникам, типа ее отца, пришлось собраться в будний день. Торкель вместе с Ивонн купил дочери мобильный телефон. Новый. Собственный. До этого Вильме доставались старые телефоны старшей сестры или

его и Ивонн, когда им на работе выдавали новые. Теперь же она получила новенький. Андроид — Торкелю помнилось, что Билли назвал телефон именно так, когда он попросил его помочь выбрать модель и марку. Ивонн сказала, что Вильма, начиная с пятницы, даже спит, практически не выпуская телефона из рук.

Кухонный стол на этот вечер превратили в стол для подарков. Старшая сестра купила тушь для ресниц, тени, блеск для губ и тональную основу для макияжа. Вильма получила все это в пятницу, но выложила снова, чтобы продемонстрировать весь урожай подарков. Принимая информацию, Торкель взял тушь, обещавшую увеличение длины ресниц вплоть до десятикратного.

Убийство. В городке Тумба. Связанная женщина с перерезанным горлом, в спальне.

Торкель считал, что Вильме слишком рано краситься, но ему объяснили, что во всем шестом классе не красится только она, а в седьмом классе приходиться в школу без макияжа просто невыносимо. Протестовал Торкель не особенно долго. Времена меняются, он знал, что должен быть благодарен за то, что ему не пришлось вести подобную дискуссию, когда Вильма пошла в четвертый класс. Некоторым родителям из ее школы пришлось. И они явно уступили.

Все указывало на то, что это — третья жертва.

Закончив разговор, Торкель положил тушь обратно на стол и вернулся в гостиную.

Он подозревал Вильму, которая разговаривала с бабушкой и дедушкой. Похоже, она не слишком расстроилась оттого, что у нее появился предлог прервать беседу с пожилыми родственниками. Она подошла к Торкелю с некоторым ожиданием во взгляде, словно думала, что он ходил на кухню, чтобы устроить какой-нибудь сюрприз.

— Я должен ехать, дружочек.

— Это из-за Кристофера?

Торкелю потребовалось несколько секунд, чтобы понять вопрос. Кристофер был новым мужчиной Ивонн. Они встре-